

ГЛАВА ТРЕТЬЯ «ЗЕЛО ПРЕМУДРАЯ ДЕВИЦА».

Отчетливо выраженного женского типа в России не существовало, ведь в жилах русских людей смешалась кровь славян, татар, прибалтийских и других народов. Впрочем, эталоном считались женщины белолицые, пригожие, со светло-русыми волосами, в зрелости пыш-нотелые. Последнее отчасти объяснялось вкусами русских мужчин, которым нравились дородные полногрудые красавицы; кроме того, в России не знали корсетов, и женские тела развивались свободно, как велела им природа. Западные путешественники, привыкшие к затянутым талиям Версаля, Сент-Джеймского дворца и

Хофбурга, находили русских женщин тучными.

Женщины в России были далеко не безразличны к своей внешности. Они наряжались в длинные, струящиеся яркие сарафаны, шитые золотом. Пышные рукава расширялись книзу и совсем скрывали бы руки, если бы не были схвачены на запястьях сверкающими браслетами. Поверх сарафанов надевали одежды из бархата, тафты или Парчи. Девушки заплетали волосы в косу и перехватывали ее на затылке веночком или лентой. Замужняя женщина никогда не показывалась простоволосой. Дома она носила полотняный головной убор, а выходя на улицу, покрывалась платком или надевала богатую меховую шапку. Женщины румянили щеки,

56

чтобы подчеркнуть свою красоту, и щеголяли в самых роскошных серьгах и в самых дорогих кольцах, какие только были по карману их мужьям.

К несчастью, чем знатнее была женщина и чем великолепнее ее наряды, тем труднее было ее увидеть. Бытовавшее в Московии представление о женщине шло из Византии и не имело ничего общего со средневековыми западными понятиями галантности, рыцарственности и куртуазности. Здесь на женщину смотрели как на неразумное беспомощное дитя, у которого нет ни ума, ни чести, зато похотливости хоть отбавляй. Ханжеская идея о том, что все, даже самые маленькие, девочки несут в себе порочное начало, с младенчества отравляла жизнь женщины. В добропорядочных семьях детям разных полов никогда не разрешали играть вместе, дабы уберечь мальчиков от скверны. Повзрослев, девочки сами становились подвержены пагубе, и потому даже самые невинные контакты между юношами и девушками строжайше запрещались. Пекшиеся о чистоте дочерей отцы для верности держали их под замком — там, взаперти, они и обучались молитвам, послушанию и кое-каким полезным навыкам, наподобие вышивания. Словом, пребывали в невинности и полном неведении о реальной жизни, пока в один прекрасный день их не сбывали с рук на руки мужу.

Как правило, девушку, едва вступившую в пору юности, выдавали за человека, которого ей позволялось увидеть впервые лишь после того, как все главные заинтересованные стороны — ее отец, жених и отец жениха — приходили к окончательному согласию. Сговор мог тянуться долго и затрагивал деликатные вопросы, как, например, величина приданого или гарантии девственности невесты. Если впоследствии, по мнению новобрачного (который далеко не всегда мог верно судить о предмете), оказывалось, что девушка в прошлом уже имела связь, он мог потребовать, чтобы брак признали недействительным. Это влекло за собой грязную тяжбу, так что куда

57

лучше было заранее во всем внимательно разобраться и как следует удостовериться.

Когда все было обсуждено и оговорено, молодой невесте приказывали явиться к отцу под полотняным покрывалом, чтобы предстать перед будущим мужем. Взяв плетку, отец легонько стегал дочь по спине со словами: «Дочь моя, в последний раз увещаю тебя отцовской властью, в которой ты жила. Отныне ты мне неподвластна, но помни не то, что ты освободилась от моего надзора, а то, что перешла под присмотр мужа. Ежели ослушаешься его, он вместо меня станет учить тебя вот этой плеткой». После чего отец передавал плетку жениху, который, по обычаю, великодушно выражал уверенность в том, «что кнут не понадобится»¹. Однако же плеточку принимал и затыкал за пояс.

Накануне венчания мать невесты привозила ее в дом жениха вместе с приданым и брачной постелью. Наутро, закрытая тяжелым покрывалом, невеста проходила через всю свадебную церемонию — клялась в верности и обменивалась с мужем кольцами, склонялась к его ногам, касаясь лбом сапог в знак покорности. Видя жену у своих ног, муж благосклонно прикрывал ее полой кафтана, признавая тем самым обязанность поддерживать и защищать это слабое создание. В то время как гости приступали к свадебному пиру, новобрачные прямоком отправлялись в постель. Им давали два часа, после чего двери комнаты распахивались, и гости вваливались гурьбой, желая убедиться, что новобрачная — девственница. При утвердительном ответе мужа молодых осыпали поздравлениями, вели в мыльню с душистыми травами, а затем в пиршественные палаты,

где они присоединялись к гостям. Отрицательный ответ был для всех тяжелым ударом, но особенно скверно приходилось невесте.

После свадьбы молодая жена занимала свое место в доме мужа — в роли одушевленного предмета домашнего обихода, не обладая никакими самостоятельными, не связанными с мужем, правами. Ее назначение было —

58

приглядывать за его домом, заботиться о его покое и удобствах, растить его детей. Если у нее хватало характера, она делалась хозяйкой над слугами, если нет — то в отсутствии хозяина слуги всем распоряжались сами, не спрашивая ни ее мнения, ни разрешения. Когда к мужу приходил важный гость, ей дозволялось появиться перед обедом в лучшем праздничном наряде, с приветственной чаркой на серебряном подносе. Подойдя к гостю, она кланялась, подносила ему кубок, подставляла щеку для христианского поцелуя, а затем безмолвно исчезала. Когда у нее рождался ребенок, те, кто боялись ее мужа или искали его покровительства, являлись к нему с поздравлениями и дарили золото «на зуб» новорожденному. Если подарок был щедрый, то у мужа имелись все основания быть довольным женой.

На случай если муж бывал недоволен, существовали испытанные способы, как поправить положение. Чаще всего, когда жену требовалось только слегка поучить, ее можно было просто поколотить. «Домострой» — руководство по управлению домашним хозяйством и семейными делами, восходящее к 1556 году и приписываемое монаху по имени Сильвестр, — содержал массу полезных житейских советов для любого главы семейства, от соления грибов до вразумления жен. Касательно последнего рекомендовалось «непослушных жен сурово сечь, хотя и без гнева». Даже хорошую жену мужу следовало «учиы» время от времени плетью, но «бить осторожно, и разумно и больно, и страшно и здорово — если вина велика»². В низших слоях общества русские мужчины били жен по малейшему поводу. «Некоторые из этих варваров подвешивают жен за волосы и секут их, совершенно обнаженных»³, — писал доктор Коллинз. Иногда побои бывали так жестоки, что женщина умирала; муж был волен тогда снова жениться. Естественно, что некоторые жены, доведенные до отчаяния невыносимыми мучениями, убивали своих мужей. Правда, таких было немного, потому что новый закон, изданный в начале царствования Алек-

59

сея, сурово карал преступниц: жену, виновную в убийстве мужа, заживо зарывали в землю ло шею и оставляли на медленную смерть*.

В серьезных случаях, когда жена была уж такая никудышная, что ее и бить-то не стоило, или когда муж находил другую, более подходящую ему женщину, дело решалось разводом. Чтобы развестись с женой, православному мужу следовало просто спихнуть ее в монастырь, хотела она того или нет. Там ей обрезаали волосы, облачали в длинное черное одеяние с широкими рукавами и покрывалом на голову, и она умирала для внешнего мира. До конца дней своих она жила среди монашек. Некоторые из них попадали в монастырь совсем юными, по воле алчных братьев или других родственников, не пожелавших делить имение или давать приданое, другие были просто беглые жены, готовые на все, что угодно, лишь бы не возвращаться к мужьям.

* Автор вполне точно воспроизводит положение, в которой находилась допетровская женщина. Подр. см. *Костомаров Н. И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. Но, справедливости ради, отметим, что в реальной жизни русского общества было не все так уж мрачно, как описывает автор. Женщины в России пользовались большими свободами, чем это кажется после прочтения •«Домостроя». Все зависело от массы обстоятельств жизни семьи, и женщина — подлинная глава семьи — была в XVII в. не такой уж редкостью. А вот в декабре 1670 г. дворянин Никифор Скорятин бил челом на свою жену Пелагею, которая, как он писал, «кусала она, жена моя, тело мое на плечах зубом, и щипками на руках тело мое щипала, и бороду драла». После досмогра «поругательства жены и зубного ядения» в приказе, власти ничем несчастному Скорятину не помогли и вскоре он жаловался на новые, более серьезные выходки жены: «Она, жена моя, Пелагея, хотя меня... топором срубить, ця от топорowego сечения руками укрывался, и посекла у меня правую руку по запястью, и я от того ее топорowego сечения с дворишка своего чють жив ушел... Да и впредь она, жена моя, хвалитда на меня всяким дурным смертоубийством». Так мы и не знаем, получил ли изувеченный муж развод или нет. (*Забелин И.* Домашний быт русских царей,

После того, как жена таким образом «умирала», муж снова мог жениться, однако и его свобода не была неограниченной. Православная церковь позволяла мужчине дважды овдоветь или развестись, но третий брак становился последним. Поэтому, как бы ужасно человек ни обращался с двумя первыми женами, третью он обычно берег: если она умирала или сбегала от него, он никогда больше не мог жениться.

Изолируя женщин, пренебрегая их обществом, русские мужчины XVII века сами же от этого и страдали. В удушливом, узком семейном мирке, где не было места духовным, умственным интересам, процветали не самые возвышенные наклонности. Мужчины, не привыкшие проводить досуг в женском обществе, нередко посвящали его примитивному пьянству. Но были и исключения. В некоторых семьях умные жены, хоть и негласно, играли заметную роль; редко, но встречались властные хозяйки, которые даже верховодили слабохарактерными мужьями. Как ни странно, чем ниже было положение женщины в обществе, тем выше ее шансы оказаться наравне с мужчиной. В низших классах, жизнь которых сводилась по сути к борьбе за существование, женщин, нельзя было отстранить от дел и относиться к ним, как к несмышленным детям: их разум и сила были необходимы. Хотя их считали низшими существами, жизнь их проходила бок о бок с мужчинами. Мужчины и женщины вместе мылись в бане и вместе с хохотом выбегали нагишом на снег. Бесконечными зимними вечерами они подсаживались к мужчинам, устроившимся пображничать возле печки, и тут — в тесноте, да не в обиде — сосед обнимал соседку, и все были довольны, смеялись, плакали и наконец вповалку засыпали*. И если муж жесток, что с того? Все же он когда-то бывал и добр. И если

* Хотя нравы в русском обществе данной эпохи и не были по-монашески суровыми, тем не менее, описанная автором картина вызывает сомнения, — *Ред.*

поколачивает ее, тоже ничего — зато можно снова и снова его прощать. «Да бьет, а потом плачет и на коленях просит у меня прощения...»

На вершине женской социальной лестницы стояла царица, супруга царя. Ее жизнь, хотя и более покойная, чем у ее меньших сестер, тоже была подневольной. Все свое время она отдавала семье, молитве, добрым делам и благотворительности. Во дворце она следила за хозяйством, заботилась о нарядах для себя и об одежде мужа и детей. Как правило, сама царица была искусна в рукоделии и вышивала уборы и одеяния для царя или церковные облачения; кроме того она надзирала за работой многочисленных швей. Ей полагалось щедро раздавать милостыню, выдавать замуж молодых девушек, которых хватало в ее хозяйстве, и обеспечивать их приданым. Как и ее муж, царица долгие часы проводила в церкви. Но при всех этих обязанностях у нее оставалось много свободного времени. Чтобы занять себя, царица играла в карты, слушала сказки, развлекалась пением и плясками сенных девушек, смеялась над проделками карликов в ярко-розовых костюмах, красных кожаных сапожках и зеленых суконных колпаках. В конце дня, после вечерни, когда царь заканчивал свои дела, царицу могли пригласить к мужу.

На вопрос о том, было, ли замужество для них желанным, русские женщины XVII века, вероятно, могли бы ответить по-разному. Но существовали в русском обществе женщины, которые просто не имели на сей счет своего мнения. Это царские сестры и дочери. Они занимали самое высокое положение, но были ли они счастливы — кто знает? Ни одной из этих царевен, не суждено было повстречать любимого человека, выйти замуж, родить детей. Вместе с тем ни одной из них не грозило стать объектом купли-продажи, подвергнуться узаконенному насилию, побоям, или оказаться брошенной и разведенной. Преградой служило их происхождение. Они не могли выходить за русских нецарского рода, чтобы не унижить своей царской крови (хотя царь был вправе выбрать жену из любого знатного русского рода), а браки с чужестранцами, которых в России всех без разбору считали язычниками и еретиками, возбранялись по религиозным соображениям. И потому от рождения царевны были обречены всю жизнь томиться в мрачной тесноте терема — помещения, отводившегося женщинам, как правило, в верхнем этаже большого русского дома. Там они проводили дни в молитвах, за вышиванием, сплетничая и скучая. Им было на

роду написано никогда ничего не узнать о внешнем мире, а мир этот вспоминал о царевнах только тогда, когда объявляли об их рождении или смерти.

Ни один мужчина, кроме близких родственников, патриарха и нескольких избранных священнослужителей, не смел взглянуть на этих призрачных царственных затворниц. Сам терем был чисто женским миром. Когда царевна заболела, то закрывали все ставни и опускали занавеси, чтобы затемнить комнату и скрыть пациентку от глаз врача. И если было нужно измерить пульс или осмотреть больную, это делали через газовое покрывало, дабы мужские пальцы не коснулись ее обнаженного тела. Ранним утром или поздним вечером царевны спешили в церковь скрытыми коридорами и по тайным переходам. В соборе или в домово́й церкви они стояли на хорах, в темном углу, за красной шелковой занавеской, чтобы уберечься от мужского взгляда. Во время торжественных шествий они следовали под прикрытием движущихся шелковых ширм или закрытых со всех сторон балдахинов. Отправляясь из Кремля на богомолье в какой-нибудь монастырь, царевны ехали в особых ярко-красных возках или санях, похожих на передвижные кельи, в сопровождении служанок и верховых, разгонявших народ с дороги.

Терем и должен был стать миром Софьи. Она родилась в 1657 году и провела раннее детство среди десятка

62

63

других царевен-сестер, теток и дочерей царя Алексея, — сидевших взаперти за крохотными тюремными окошками. Удивительно, откуда могли взяться ее редкие и необычайные способности. Она была третьей из восьми дочерей Алексея и Марии Милославской, одной из шести выживших сестер. Как и остальные, она могла получить куцее женское образование и после жить безымянной затворницей.

Но Софья была не как все. Ее сотворила таинственная алхимия, которая Зез видимых причин выбирает одно дитя из всей большой семьи и наделяет его особенной судьбой. Ей достались и разум, и честолюбие, и решимость, которых так отчаянно не хватало ее хилым братьям и безвестным сестрам. Казалось, у них потому и нет нормального здоровья, энергии и воли, что все это в избытке перешло к Софье.

Уже с ее малых лет исключительность Софьи была очевидна. Еще ребенком она каким-то образом сумела уговорить отца нарушить тюремные традиции и позволить ей учиться вместе с братом Федором, который был четырьмя годами младше. Ее наставником стал монах Симеон Полоцкий, выдающийся ученый из знаменитой Киевской академии, родом поляк*. Он нашел Софью «зело премудрой девицей», наделенной тончайшей проницательностью и совершенно мужским умом. Вместе с монахом помоложе, Сильвестром Медведевым, Полоцкий преподавал своей ученице богословие, латынь, польский язык и историю. Она познакомилась с поэзией и драмой и даже участвовала в представлениях на религиозные сюжеты. Медведев разделял мнение Полоцкого о том, что царевна — ученица «изумительно понятливая и рассудительная».

* С определенностью утверждать, какой именно национальности был уроженец белорусского города Полоцка Самуил Гаврилович (или Емельянович) Петровский-Ситнианович, невозможно. — *Ред.*

64

Софье было девятнадцать, когда умер ее отец, а пятнадцатилетний брат стал царем Федором Алексеевичем. Вскоре после коронации Федора царевна начала выходить на люди из темного терема. Пока длилось его правление, ее все чаще и чаще видели там, куда прежде женщинам не было доступа. Она посещала заседания Боярской думы. Ее дядя Иван Милославский и ближний боярин князь Василий Голицын привлекали царевну к своим совещаниям, где принимались, важные решения, так что ее политические взгляды становились все более зрелыми и постепенно приходило умение разбираться в людях. Мало-помалу Софья заключила, что ни умом, ни силой воли она не только не уступает окружающим мужчинам, но даже превосходит их, и что единственным препятствием на ее пути к верховной власти является ее пол вкуче с нерушимой московской традицией — самодержцем может быть лишь мужчина.

Всю последнюю неделю жизни Федора Софья не отходила от его ложа, выступая в роли утешительницы и наперсницы, а заодно выполняя различные деловые поручения, и сумела

глубоко войти в курс государственных дел. Смерть Федора и внезапное восшествие на престол сводного брата, Петра, а не родного - Ивана — нанесли Софье тяжкий удар. Она искренне горевала о Федоре, который был ей не только братом, но и другом, сотоварищем по учению; к тому же перспектива восстановления при дворе влияния Нарышкиных означала конец всяких привилегий и послаблений для нее, царевны из рода Милославских. Ей, конечно, пришлось бы реже видаться с высшими государственными должностными лицами, например, с князем Василием Голицыным, который успел завоевать ее горячую симпатию. Но хуже всего, что из-за неприязни между ней и новой регентшей, царицей Натальей, ее могли снова посадить в терем.

В отчаянии Софья принялась искать выход. Она кинулась к патриарху, чтобы выразить недовольство поспешным избранием Петра. «Сей выбор несправедлив, —

3 Петр Великий, т. 1

65

протестовала она. — Петр юн и порывист, Иван же достиг совершеннолетия. Кому и быть царем, как не ему!». Но Иоаким отвечал, что сделанного не воротишь. «Тогда пусть они хотя бы правят вдвоем!» — взмолилась Софья. «Нет, - провозгласил патриарх, — совместное правление губительно для государства. Пусть будет один царь, так угодно Господу» .

Софье пришлось на время отступить. Через несколько дней, на похоронах Федора, она устроила принародную демонстрацию своих чувств. Когда Петр в сопровождении матери следовал за гробом и вся процессия уже направлялась к собору, Наталья вдруг услышала позади какой-то шум и, обернувшись, увидела, что Софья присоединилась к процессии — без передвижного полога, который закрывал царскую дочь от народа. На виду у всех, откинув с лица покрывало, Софья театрально рыдала и призывала толпу в свидетели своего горя.

Это был неслыханный поступок, и в соборе, на глазах у множества людей, Наталья сделала ответный ход. Во время долгой зауспокойной службы она взяла Петра за руку и вывела из храма. Позже царица объясняла, что ребенок устал и проголодался, так что оставаться дольше было бы вредно для его здоровья, но Милославских эти отговорки обмануть не могли. А тут еще надменный младший брат Натальи, Иван Нарышкин, только что возвращенный ко двору, подлил масла в огонь. «Пусть мертвые хоронят своих мертвецов»⁶, — сказал он, подразумевая весь род Милославских.

Покинув собор, Софья вновь дала волю своему горю — теперь уже с едкой примесью гнева. «Видите, как в одночасье брат наш царь Федор ушел из этого мира! Враги отравили его. Сжальтесь над нами, сиротами! Нет у нас ни отца, ни матери, ни брата. Старшего нашего брата, Ивана, не выбрали царем, и если мы в чем-то провинились, то отпустите нас в другие края, где правят государи-христиане!»⁷

66